

Юрий Айзеншпис:

— Юрий Шмилевич, а на самом деле вам сколько лет? — На самом деле шестьдесят. А что? — Просто различения: некоторые пишут, что вы 1947 года рождения. — 45-го, 15 июля. Но, кстати, шестьдесят мне никто не дает. Да и сам ощущаю себя молодым: физически, морально, духовно. И папа я молодой — сыну тринадцать недавно исполнилось. Правда, в последнее время, когда в магазине или во дворе, бывает, обратится кто: «Молодой человек!», я мысленно усмеваюсь...

Айзеншпис отвечает как-то рассеянно, через секунду я понимаю причину. «Сколько же можно спать?» — возмущается он. Встаёт, прерывая едва начавшуюся беседу, и как есть, в тапочках идет будить соседа по лестничной площадке. Сначала долго звонит, затем стучит в дверь кулаком, лямкой. До тех пор, пока в дверном проеме не появляется физиономия неизвестного Огара Кушанашвили. «Извини, Шмилевич, иду, только что лег», — оправдывается Огар. «Если договорились в девять, значит, в девять!» — удовлетворенно констатирует Айзеншпис, возвращаясь. — И что вы там высматриваете? — это уже вопрос ко мне, разглядывающему ярлыки многочисленных дисков современных исполнителей от Александра Градского (на «А») до Юрия Антонова (на «Ю»), в алфавитном порядке заполнивших стеллаж от пола до потолка. — Думаете, это моя коллекция? Напрасно.

В личную жизнь артистов вмешиваются

— Что же вы слушаете, Юрий Шмилевич? — «Динамит», Билана. — Понятно. Кроме ваших воспитанников, какая еще музыка звучит в этом доме? На этой шикарной аппаратуре. — Только та, что по радио. — Классика: «Битлз», «Роллинг Стоунз» начальный, Элвис Пресли, Литтл Ричард, Билл Хелли, «Модри блюз». Вот в двадцать лет у меня была коллекция: 7 тысяч виниловых дисков. — Они пропали? — Конфисковали правоохранительные органы после суда. И распродали. По три рубля. То, что стоило как минимум 25 за каждую. Своим же и продали... Теперь похвастаться нечем. Вот вы рассматриваете стеллаж с дисками. Это все так, для работы, это мне нужно только как продюсеру. Приходит Огар Кушанашвили (О.К.), и мы продолжаем разговор «на троих».

— Юрий Шмилевич, а вы давно себя продюсером почувствовали? — Тогда еще существовали государственные Москонцерт, Росконцерт, Союзконцерт. Тогда радио и телевидение абсолютно принадлежали государству, никаких частных музыкальных каналов, никаких частных средств информации не было. И я тогда начал работать с группой «Кино» (1988 год. — Ред.) именно как первый в стране продюсер.

Кому мстить? И за что?

лянд, плевать на артистов, для них это всего лишь стропильный материал, заменяемые люди. Они не понимают, почему Шмилевич так возится со своими, опекает их, мучается головной болью оттого, что у Билана нет квартиры.

— Сосед ваш правду говорит? — Про Фридланда не знаю. Может быть, и существуют такие отношения продюсера и артистов. Но я, конечно, артистом занимаюсь полностью. В том числе вмешиваюсь и в их личную жизнь. Взять группу «Динамит» — помог всем, чем мог. И так же с Димой Биланом. Он же не москвич, он родился под Нальчиком в большой многодетной семье. Когда мы с ним познакомились, Дима жил в общежитии Гнесинки. Сейчас — хорошую квартиру снимает. Однако мы уже подумываем над тем, как приобрести ему настоящее личное жилье. Это сложный вопрос. И финансово, и организационно. Но он знает, что я об этом забочусь. Он не в состоянии это решить, а я... Я человек, на которого можно положиться.

— А правда, что другому вашему воспитаннику, Сташевскому, вы даже невесту нашли? — Нашли.

— И как же после всего, что вы для него сделали, он «посмел» бросить вас? Почувствовал себя крутым? — Когда я с ним познакомился, он был никто и звать его никак. Человек из глухой молдавской провинции. Они переехали в Москву и жили с мамой в одной 12-метровой комнате коммунальной квартиры. Первый раз я его встретил в клубе, он играл на рояле. Просто играл какие-то песни. Когда мы с ним начали работать, он смотрел мне в рот. Но успех, он меняет человека. Однако ни я Сташевского не выгнал, ни он меня не бросил. Закончился контракт — после чего мы решили, что больше не работаем вместе.

— Жалуете? — Нет. С самого начала он был продуктом — пластмассовым, искусственно созданным. Мне тогда, после «Янг Ганз», Линды (1994 г. — Ред.), захотелось сделать из... ничего конфетку. Тотальная коммерция еще только зарождалась, так что создание такого продукта, который будет ходить, кривляться, петь под фонограмму, не так дорого стоило. И я его создал. Может быть, этим примером я заразил других — таких, как Сташевский, сейчас у нас очень много.

— Теперь раскаиваетесь, что подали дурной пример? — Нет. В бизнесе все средства хороши. А я именно на этом примере показал роль продюсера в шоу-бизнесе.

— Но вернули вложенные средства? — Может быть, даже заработал. На мороженое. А что?

Жадность — понятие относительное

— Да нет, ничего. Вот, говорят, Айзеншпис жадный. — Ха-ха! Все что угодно можно про любого наговорить. Для того же, чтобы сказать, жадный человек или нет, нужно просто его знать очень близко. Я себя знаю, и я могу сказать про себя, что я не жадный.

О.К.: Шмилевич, ваша сестра и ваша семья, которых вы содержите, это подвредят, думаю, даже без пыток.

— Возможно, эти сплетни из-за того, что стараетесь не платить за эфиры, за публикации.

— Тогда, когда необходимо, я плачу. Понимаете? Прежде чем создать имя, действительно нужно потратить деньги: купить хороший костюм, хорошую песню, хороший эфир. Допустим, я клип решил снять. Настоящий. Тогда меня не интересует, сколько он будет стоить. Вот недавно сняли клип «Динамита» — одна дорога во Вьетнам стоила 30 тысяч долларов. Теперь я снимаю клип Билана в Панаме, там очень красиво, 17 человек везу, обойдется работа в 120 тысяч долларов. И мне не жалко денег на это.

Создание продукта, который будет ходить, кривляться, петь под фонограмму, раньше недорого стоило.

Но когда я приезжаю в Гродно (областной белорусский центр. — Ред.) и на местном радио меня просят заплатить, мне даже 100 долларов жалко.

О.К.: А сколько денег заплачено Дайане Уоррен, которая чуть ли не мультимиллионерша (она работала с Селин Дион, Уитни Хьюстон, Рики Мартиню. — Ред.), за одну только песню. Кстати, первый случай, когда композитора мирового уровня подрядили на работу. Сколько заплатили-то, Шмилевич?

— Порядка ста тысяч. За песню.

— За одну?! И зачем? Что какая-нибудь Ира Петрова из Калуги знает про Дайану Уоррен?

— Может, и ничего, но она услышит и, может быть, заинтересуется, откуда такая непохожая на все советские песни. Может быть...

— Теперь понятно, откуда такие высокие цены на билеты.

— На самом деле билеты — не мой вопрос, это вопрос организаторов на местах. Мы в это не влезаем. Наверное, они могли бы с нами посоветоваться, но, как правило, не советуется. — Я тут недавно где-то прочитал про ваши последние гастроли в Алма-Ате: будто вы не отобедали со спонсорами, хотя в условиях контракта это было прописано. И вообще вели там себя резко, грубо, никого не подпускали к кумиру, а кто настойчиво пробивался, отталкивали...

— Мы не обедаем и не ужинаем со спонсорами ни в Алма-Ате, ни где бы то ни было. В остальном — все точно: требовал полной изоляции Билана. Было. Правда, преподнесено все так, будто я такой злой человек, монстр. Но разве артист перед выступлением не имеет права побыть один, чтобы сконцентрироваться, настроиться на выступление? Его же буквально одолевает толпы поклонников. Они там пишут, что я какую-то девочку оттолкнул. Не помню. Может быть, и оттолкнул. Но

это значит только то, что я следил за кого-то его работу. Секьюрити наши, знаете, вместо того, чтобы охранять артиста, пускают к нему друзей, родственников. За ними остальные начинают домитись, и начинаются такой бардак, что надо просто уносить ноги, чтобы уцелеть.

О.К.: Если брать за отправную точку наблюдения 1992 год, то Айзеншпис сейчас и тогда — два разных человека. Он был более резким, более жестким, мог в одночасье построить отношения и в одну секунду уничтожить их. Теперь Айзеншпис 8 тысяч раз подумает, прежде чем обидеть когото или с кем-то испортить отношения. Я не знаю, как это назвать: мудростью, возрастом или как-то еще, но он не идет ни на какие обострения.

Слегка тряхнул — не значит избил

— Как-то выбивается из этого ряда драка в «Московском комсомольце».

Во-первых, история годичной давности. Во-вторых, драка — это большое преувеличение. Всего лишь не сдержал эмоции. Я ревностно отношусь к тому, что пишут в прессе. Не обо мне, я привык. Но не привык и не хочу привыкать к тому, что обижают или оскорбляют моих артистов. Незаслуженно! Или провоцируют, или какие-то двусмысленности пишут. Безуловно, иногда не могу справиться

Алле Борисовне и Филиппу Бедросовичу Айзеншпис нужен лишь в качестве друга

Сына Юрия Шмилевича зовут Михаил Юрьевич

час правильно оценивать ситуацию, но рано или поздно, надеюсь, он все-таки выйдет из этого состояния паники.

— Нелегко лавировать независимому продюсеру между монструозными держателями эфира? — Лавировать нетрудно. Если быть самим собой. Пробиться с новым артистом, учитывая сегодняшнее состояние шоу-бизнеса, его корпоративность, мафиозность, трудно.

— Учитываю мафиозность? А вы разве не из тех самых? — Да какой я мафиози?! Я что, кому-то угрожаю? Кому-то в силу амбиций стремлюсь перекрыть путь на музыкальный олимп? Нет. И я не считаю, что другие продюсеры-конкуренты мешают мне. Мешает корпоративность. Это стало проявляться еще со времен Лисовского, который пытался монополизировать рынок. Окочинилось неудачей — ЛИС'С поплыл. Но на смену ему пришли другие корпорации в лице арсов, русских медиа-групп, первых каналов.

Билана хотели купить за \$3.000.000

— С вашим нынешним полочным вы, однако, пробились. Кажется, год три на это ушло? — Чуть меньше... Пробились. Я, конечно, независимый человек, но всегда понимал: чтобы реализовать планы продвижения своих артистов, нужно подстраиваться, прогибаться. И конечно, спасибо друзьям, спонсорам.

— По приблизительным оценкам, хотя наверняка у вас есть и точная бухгалтерия, сколько уже денег вложено? — Нет, не знаю. Я Крутого всегда очень уважал. Может быть, уважаю и сейчас. Я ведь знал его другим: теплым, отзывчивым, добрым человеком. И то, что случилось сейчас... Я понимаю, что в этой сложной жизни, где сплошные дебри, нужно уметь выходить из леса. А он запутался в своих взаимоотношениях. Потерял ориентацию в лесу, и у него началась паника. Это ему мешает сей-

— Трудно сказать. Немало. — Давайте я назову некие цифры, а вы выберите. Триста тысяч, полмиллиона, семьсот тысяч долларов? — Около миллиона.

— Тем не менее вы не продали его иностранному продюсеру за три. Или это пшар-легенда? — Это было реальное предложение. Только не от иностранцев. Сейчас такое время, что у бизнесменов есть свободные деньги, и они ищут, куда их можно вложить. Многих привлекает шоу-бизнес. Некоторые увидев Диму Билана, оценив его потенциал, решили приобрести этот бренд. Я долго сомневался, но решил: нет! Это мое детище. Как можно его продать!

— Но покупатели, они же не благотворительность решили заниматься, они же надеялись деньги вернуть? — Конечно. У них была целая программа.

— Получается, что и вы, занимаясь этим проектом (никто, надеюсь, не обидится), планируете в течение какого-то времени зарабатывать столько же или даже больше? — По крайней мере, могу сейчас сказать, что все затраты он покрыв и уже приносит прибыль.

— Артист в прибыли участвует? — Безусловно. Существует контракт. Он не носит кабыльно-го характера, как у других продюсеров. С каждым успешным годом доля артиста увеличивается: от 10 процентов в начальной стадии до 40 через три года.

— И так же — расходы? — Нет. В расходах участвует только продюсер.

— Юрий Шмилевич, у вас такая большая квартира. У вас есть жена, сын. Почему вы живете один? Надоело принудительное «общегитие»?

— Нет. Просто не сложилась семейная жизнь. Сын и жена живут в соседнем доме. Меня это больше устраивает. Почему это так получилось? Не знаю, у всех по-разному бывает. Многие мои знакомые живут с любимой женой в идиллии. Другие разводятся, сходятся, по новой женятся. Такой калейдоскоп. А некоторые, даже моложе меня, живут одни.

— Но вы с семьей общаетесь? — А как же! Сын, когда есть возможность, всегда ко мне прибегает. Я с ним езжу кулачить, мы ходим на выставки, общаемся — хорошо, что он такой взрослый.

— Его как зовут? — Михаил. Он меня очень любит. Я рад, что у меня такой сын. Он такой продвинутый. Обо всем имеет свое мнение.

— Любит своих исполнителей, поскольку он их всех знает, дружит с ними. Большой любитель Интернета. Увлекается недвижимостью в разных странах.

— То есть? — Интересно ему, где сколько что стоит: квартиры, дома, земля. Так что можете проконсультироваться, если решите виллу в Испании покупать. Он много ездит. За границей в течение года быва-

ет раз пять-семь. Я поддерживаю его интерес к такой жизни.

— С матерью ездит? — Да. Вот сейчас они где-то, я даже не успеваю следить, где. Приедет — и сразу полетит в Австрию на какие-то скоротечные курсы немецкого языка.

— Учится немецкий? — И английский.

— Здорово! — Я, по крайней мере, не жалую денег на его образование, на отдых, на его интересы. Поощряю его. Он любит хорошо одеваться. Любит телефоны.

— Ну, это наследственно. Известна и ваша тяга к хорошим телефонам: кажется, ни одна новая модель мобильного не проходит мимо ваших рук.

О.К.: У него в ящике стола сейчас штук сто лежат! Не все звонят, зато на все звонки он отвечает. Буквально позавчера ночью позвонил какой-то человек: «Юра, помнишь, как я тебе все доставал: икру, мебель, холодильник в каком-то году?» Судя по виду Айзеншписа, он мучился, для этого разговора и стараясь вспомнить. Потом: «Да, точно: Ерофеев! Как же я мог забыть! Вам что-то нужно?» А когда положил трубку минут через сорок, говорит: «Убей меня, не помню, кто это был». Однако отметить, что ему доставал хорошую мебель в каком-то году, не смел.

— У меня всегда была тяга к настоящему вещам. Я ведь занялся бизнесом в СССР, в советских магазинах нельзя было купить хорошую аппаратуру, хорошие инструменты, хорошую технику, пластинки, костюмы. Все это можно было приобрести либо в спецмагазинах «Березка» за чеки, либо у иностранцев или у наших дипломатов. За доллары.

Второй раз взяли через 3 месяца

— Юрий Шмилевич, а почему именно вас послали? Ведь существовала целая индустрия — не вы же один этим занимались.

— Вопрос не ко мне. Другое дело, что я, с одной стороны, как бы понимал, что действительно занимался незаконным по тем временам делом. С другой — я также понимал, что раз мне приходится заниматься этим незаконно, то как-то не так все здесь устроено. Распродажа коллекции пластинок и другого конфискованного у меня имущества только удержала меня в таком мнении. Поэтому и наказание не вело к исправлению. Особенно суровое и жестокое наказание. Оно только одолевало. Человек вообще мог озвереть, потому что он содержался в таких условиях, где не было добра, была одна только злость и жестокость. Любопытно, что после этого стремился к реваншу. Мало кто подвергался исправлению. Я тоже, когда вышел, не имея ни копейки, продолжил заниматься тем, чем занимался до осуждения. Только более острожно... Все равно попался во второй раз.

— Не понял. — Не мог же я на 17 лет сразу сесть. Сначала сидел 7 лет и 7 месяцев, а второй раз — 10 лет. Хорошо, что когда в 86-м году вышел, то все уже поменялось. Подул ветер перемен. Частное предпринимательство было возведено в паннацию от государственных бед... А то бы опять посадили.

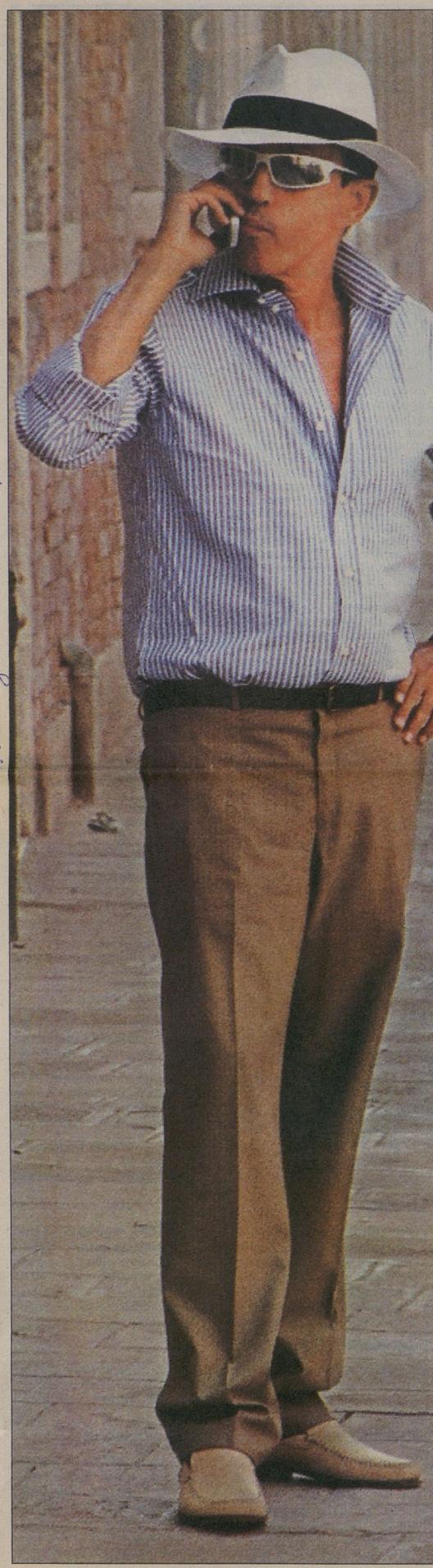
— Юрий Шмилевич, когда вы вошли в силу, не было желания отомстить, как граф Монте-Кристо, или, грубо говоря, дать по башке людям, которые отняли у вас 17 лет свободы?

— Нет. Кому мстить? И за что? Они же были частью системы. Работала машина по выполнению государственного заказа, и я попал в жернова этой машины.

— А сейчас разве по-другому? — Это же государственная машина. И раз такое государство, то что?.. Сейчас, правда, можно уехать. Но мне не хочется.

Записал Мечислав Дмухвильский.

20.07.2005 95 Сергей Айзеншпис Юрий

Юрий Шмилевич: «Да какой я мафиози?!»